

(преимущественно восточнополесского), которые под этим углом зрения пока не рассматривались, хотя, конечно, очевидное структурное сходство всех «проводных» ритуалов неоднократно отмечалось в научной литературе.

Поразительное сходство важнейших составляющих (пусть даже и спорадически фиксируемых) двух «вождений», таких как полное ряжение главного персонажа в зелень, шествие по деревне, молчание объекта вождения / проводов, разрывание и дальнейшее использование его убранства, карпогонические и плювиальные мотивы в ритуальной семантике и т. п., приводит к мысли не только об их очевидной типологической конгруэнтности (с совершенно естественной «внутренней» интерпретацией каждого из элементов), но и о возможном общем источнике, который связан с наследием традиционной духовной культуры (пра)дреговичей. Примечательно, что едва ли не определяющее значение в аспекте заявленного сопоставления двух «вождений» имеет этнолингвогеография.

Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. М., 1995–2012.

М. В. Ахметова

Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, Москва
malinxi@rambler.ru

Поливариантность катойконимов в языковом пространстве современного города (на примере Твери)

В 1990 г., когда Твери было возвращено историческое имя, в местной печати был поставлен вопрос о том, какое название следует употреблять для именованя местных жителей. Источники конца XX в. свидетельствуют об использовании в местном узусе того времени четырех вариантов: *тверичане*, *тверичи*, *тверяки* и *тверитяне* (отмечаемые

© Ахметова М. В., 2015

словарями *тверчане* и *тверцы* остались чуждыми региональной речи). Вариант *тверитяне* употреблялся реже, чем остальные, однако была сделана попытка утвердить именно его в качестве нормативного. Так, 27 августа 1990 г. в первом номере газеты «Тверские ведомости» вышла статья заведующей кафедрой русского языка Тверского государственного университета, профессора Р. Д. Кузнецовой «Мы — тверитяне», содержавшая рекомендации в пользу данного названия.

Позиционирование названия *тверитяне* как «правильного» (эта информация транслировалась преподавателями Тверского университета; кроме того, вариант утвердился практически в половине тверских СМИ) не привело к вытеснению остальных названий. Данные изучения тверских СМИ и блогосферы, а также полевые материалы (интервью 2014 г. с журналистами, сотрудниками университета, издателями, краеведами и рядовыми горожанами) позволяют выявить, как представляется, уникальную картину сосуществования в языковом пространстве современной Твери четырех названий жителей.

Можно говорить о четкой редакционной политике тверских печатных и электронных СМИ, а также об однозначных предпочтениях преподавателей, издателей и других «трансляторов нормы» в отношении употребляемого варианта. В случае предпочтения названия *тверитяне* выбор объясняется апелляцией к авторитету филологической науки; в случае предпочтения названий *тверчане* или *тверичи* — солидарностью с узусом, ориентацией на актуальную речевую традицию. Название *тверяки* фактически исключено из публичной сферы и сохраняется в устной речи, иногда — в художественных текстах. Кроме того, для сотрудников СМИ важным аргументом зачастую оказывается ориентация на речь некоторых представителей власти. Языковые предпочтения, таким образом, экстраполируются на принятие той или иной стороны в локальном конфликте между представителями городской и областной администрации (т. е. местных политиков и «ставленников Москвы»).

Для местных жителей, по преимуществу предпочитающих варианты *тверичане* и *тверичи*, важными оказываются прежде всего сенсорно-вкусовые оценки и апелляция к прецедентным текстам (в частности, к творчеству тверского шансон-барда Михаила Круга, в песнях которого употребляются названия *тверичи* и *тверичанка*), а также к прецедентным онима́м (парикмахерская «Тверичанка», хоккейная команда «Тверичи» и мн. др.). На периферии узуса остаются

названия *тверитяне* (оценивается как архаичное и официозное, даже если оно представляется говорящим «правильным») и *тверяки* (оценивается как грубое). Показательно, что иногда даже журналисты СМИ, в которых название *тверитяне* принято как нормативное, в бытовой речи склонны употреблять другие варианты.

При этом суждения, высказываемые местными жителями, могут демонстрировать смешение оценок, относящихся к разным вариантам. Чаще смешиваются названия *тверитяне* и *тверичане* (по причине фонетического сходства), иногда — *тверичане* и *тверичи* (по причине общего названия в ж. р.: *тверичанка*; кроме того, зачастую название в м. р. *тверичанин* употребляется как форма ед. ч. от *тверичи*).

Наличие нескольких вариантов нередко обуславливает их контекстуальную дифференциацию или закрепление за определенными речевыми ситуациями: например, *тверитяне* — в печати и в официальных контекстах, *тверичане* и *тверичи* — в нейтральной бытовой речи, *тверяки* — в оценочных суждениях, в частности, задействующих негативные стереотипы, которые связываются с местными жителями (показательно, что название *тверяки* в текстах нередко соседствует с амбивалентным локально-групповым прозвищем *тверские козлы*).

А. К. Байбурин

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург
abaiburin@yandex.ru

Контроль над личным именем в ранней советской традиции

Под личным именем в докладе понимается полная именная формула — фамилия, имя, отчество. Речь пойдет об официальных личных именах — тех, которые зафиксированы в метрических записях, свидетельствах о рождении, паспортах и других документах. Основные особенности таких имен — их полнота и неизменность.

По комментариям советских юристов, право на имя в советском законодательстве однозначно принадлежит человеку: «Право на имя — личное неимущественное право, неотделимое от личности». Однако

© Байбурин А. К., 2015